

**Н.Д.Руссев
(Кишинев)**

БЕЗНОСАЯ ПРИВРАТНИЦА ЭПОХ: “ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ” НА ЗАПАДЕ И ВОСТОКЕ ЕВРОПЫ

*Что такое, в сущности, чума? Тоже жизнь,
и все тут.*

Альбер Камю

N.D.Russev. Noseless Door-keeper of the Epochs. — The plague pandemia, that struck the Old World in the middle of the XIV century, sent millions of people to their graves. The dreadful plague can be regarded as the ruiner of the old system of life in the Western Europe. But the role of the ruining craze in the history of the Eastern and South-Eastern countries on this continent has not been studied up to now. One of the reasons for the historiographic gap is due to a rather poor source fund of the Black death. In order to replenish the lack of information the author attracted the numismatic finds, discovered on the territory of the Golden Horde to his study. The investigations show that considerable changes in the destiny of the survived started in fact simultaneously with the mortal disease, that had covered enormous territories. The catastrophic impulses upset the social balance in many regions. The population abandoned their customary inhabited locations. The merchants had no rearrange the broken commercial relations, the rulers were rather active in remaking the political map. The crisis, caused by the plague, made take the first decisive steps along the way of the total historical transformation in the region.

Конец второго тысячелетия от Р.Х. резко, но вполне объяснимо встревожил дремавшее до поры общественное сознание апокалиптическими настроениями. Легко прослеживаемый по сообщениям прессы почти животный страх “конца света” нередко круто замешан на “научной необходимости” подведения итога многовекового исторического периода. К примеру, недавно специальная экспертная комиссия, созданная по инициативе газеты “Вашингтон пост”, признала “Человеком тысячелетия” умершего в 1227 г. Чингис-хана. Показательно, что избранная Западом историческая фигура олицетворяет Восток. Она на самом деле масштабна и, главное, точно соответствует складывающимся в последние годы массовым эсхатологическим ожиданиям.

Чингис-хан за короткое время создал спаянную жестокостью грандиозную евразийскую империю. Это о нем, по свидетельству “Тайной истории монголов”, мать как-то сказала: *“Недаром он, выходя из утробы, в руке сжимал черный сгусток крови”* (СКМ 1990: 33). Самые западные приобретения монголов достались внуку “повелителя вселенной”, Бату. Его владение, известное в новое и новейшее время под названием “Золотая Орда”, оказалось обращенным своей воинственной мощью в Европу. Впрочем, ужас перед необузданной дикостью кочевников-татар — только одно, причем явно преувеличенное воображением европейцев, впечатление от нового соседства.

Между тем *“образование в начале XIII в. монголь-*

ской державы превратило все пространство от берегов Японского, Желтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей до Средней Азии и Ирана включительно и далее через Восточную Европу до самых Карпат в район связанной исторической жизни” (Конрад 1972: 463). Золотая Орда с 1243 г. соединила Азию и Европу, а затем исламизировавший страну хан Узбек (1313-1342) *“превратил степной улус в купеческий султанат”* (Гумилев 1989: 513, 537). На землях от Дуная до Иртыша археологически зафиксированы 110 городских центров с материальной культурой восточного облика, расцвет которых пришелся на первую половину XIV в. Общее же число золотоордынских городов, по всей видимости, приближалось к 150 (Егоров 1985: 78, 139).

Государство потомков Бату стало мостом для новых трансконтинентальных отношений. Из глубин Азии от города к городу купеческие караваны регулярно приходили в контролируемые ордынцами порты Причерноморья, а оттуда на Запад привезенные товары доставлялись торговыми судами, главным образом итальянскими. По данным венецианца Иосафата Барбаро, в Тану (современный Азов) в XIV в. только из одной Венеции приходило ежегодно за специями и шелком по 6-7 больших судов (Барбаро 1971: 93). Не меньшим спросом у европейцев пользовались привозимые с Черного моря хлебные припасы, мед, воск и “татарские” рабы (Карпов 1991: 82). Однако вслед за торговцами в Европу из Азии внезапно пришел необыкновенной силы катаклизм —

чумная пандемия. В европейской историографии сложилось, по-видимому, близкое к истине представление о связи морового поветрия с монгольской экспансией,

оживившей Великий шелковый путь и облегчившей “движение патогенных элементов через Азиатский континент” (Бродель 1986: 103).

І. Умопомрачительный мор

“Черная смерть”, как назвали позднее европейцы чуму середины XIV в., явилась в Европу тем же путем, каким возвращался из Азии Марко Поло (Дюби 1994: 218). Тлетворную болезнь занесли на Запад граждане Генуэзской республики. Поразительная случайность: имя “Генуя” (лат. Janua) означает “вход”, “ворота”, “дверь”. Сказочный Восток для католического мира на границах Орды суждено было открыть итальянцам — мореходам, негоциантам, миссионерам. В их числе генуэзцы были первыми. По горькой усмешке судьбы, вместе с восточными богатствами в генуэзскую дверь проскользнула и гибельная зараза. Невидимый возбудитель страшной болезни “как будто отомстил за Восток, как в 1492 г. отомстила за едва только открытую Америку бледная спирохета” (Бродель 1986: 97).

Молодой юрист из Пьяченцы Габриэль де Мюсси, живший в Крыму в 1344-1346 гг., описал начало чумного мора в Каффе. Болезнь вспыхнула в городе после того, как осаждавшие его татары стали забрасывать через стены метательными орудиями трупы своих умерших от чумы соплеменников. Европейцам пришлось спасаться от нависшей смертельной угрозы спешным бегством. На нескольких кораблях они с надеждой на избавление покинули берега Крыма, направившись в Геную, Венецию и другие порты Средиземноморья. Находившийся на борту одного из судов автор свидетельствует: “Так как дорогой нас постигла тяжелейшая болезнь, то из тысячи людей, поехавших с нами, едва ли уцелело и десять человек, а потому родные, друзья и соседи поспешили к нам с приветствиями. Горе нам! Мы принесли с собой убийственные стрелы, при каждом слове распространяли мы своим дыханием смертельный яд!” (Гезер 1867: 97-100).

Важнейшие пункты на пути, пройденном судами с заразой из Каффы в Геную, также были поражены. Итальянцы привезли смертоносную болезнь в Перу — принадлежавшую им окраину византийской столицы. Затем ее жертвой пал весь Константинополь. Другим крупным очагом заболевания стал вскоре и сицилийский порт Мессина (Макэведи 1988: 70).

Переживший бедствие византийский историк Никифор Григора (1295-1360) говорит, что охватившая приморские районы “тяжелая и чумоподобная болезнь” весь 1347 г. “опустошала как города, так и села, и наши, и все, которые последовательно простираются от Гада до столбов геркулесовых”. При этом в течение одного-двух дней “в большинстве домов все живущие вымирали разом”, не исключая ни людей, ни живот-

ных (Гезер 1867: 32 — Прибавления). В “Истории” императора Иоанна Кантакузина (ум. 1383), у которого в лихую годину чума забрала младшего сына Андроника, нарисована еще более впечатляющая картина поражения мира. Болезнь, по его характеристике, прошла “вокруг почти по всему свету”, не оставив в стороне ни острова, ни европейское, ни азиатское, ни африканское побережье Средиземноморья (Кантакузин 1980: 377).

Чуму 1347 г. на Сицилии описал в своей “Светской истории” Микель де Пьяцца (ум. 1377). Сюда в начале октября заразу принесли 12 генуэзских галер, причаливших в порту Мессины. Последующее их изгнание запоздало. Смерть уже косила горожан. Во многих домах в течение трех дней вымирало все живое. С огромной силой “смертельный бич” поразил пытавшихся отпустить грехи больным монахов. Даже на расстоянии в несколько веков картина, нарисованная современником катастрофы, вызывает страх: “Группы оставались лежать в домах, и ни один священник, ни один родственник — сын ли, отец ли, кто-либо из близких — не решались войти туда: могильщикам сулили большие деньги, чтобы те вынесли и похоронили мертвых. Дома умерших стояли незапертыми со всеми сокровищами, деньгами и драгоценностями; если кто-либо желал войти туда, никто не преграждал ему путь”. Вскоре мором были охвачены Сиракузы, Шацца, Агридженто. Особенно пострадал Трапани, “буквально осиротевший после смерти горожан”. В связи с другим крупным населенным пунктом острова автор горестно вопрошает: “Что сказать о Катании, городе, ныне стертом из памяти?” (Дюби 1994: 226-229).

Отсюда чума пошла свирепствовать по всему Средиземноморью, достигнув в 1348 г. Туниса, а затем через Сардинию и Испании. Напуганные происходившим власти Генуи отказывались принимать собственные корабли, возвращавшиеся с Востока. Несчастные мореплаватели, вынужденно бросая якоря в чужих местах, сеяли заразу и там. Так, в число первых западноевропейских городов на материке, пострадавших от чумы, попали Марсель и Пиза. Еще до окончания 1347 г. вместе с шелком, мехами и рабами болезнь доставили в Александрию. Она быстро распространилась по всему Египту, стала собирать дань в Газе, Бейруте, Дамаске и Алеппо, появилась в Марокко (Макэведи 1988: 70-71).

Служивший при дворе египетского султана историк и законовед Бадр ад-Дин Махмуд ал-Айни (1360-1451) даже спустя десятилетия сообщал об ужасе,

вызванным моровым поветрием середины XIV в. В сочинении “Ожерелье из жемчугов по истории людей своего времени” он писал: *“О чуме, подобной этой, никто (прежде) не слышал”*. Если верить его данным, менее чем за два месяца — с 25 октября по 22 декабря 1348 г. — *“число умерших в Мысре и Каире”* доходило до 900 тыс. человек. *“Оказался недостаток во всех товарах, вследствие незначительности привоза их, так что бурдюк воды обходился в землях Египетских дорожке 10 дирхемов...”* Поскольку ежедневно погибало множество людей, приходилось нарушать обряд погребения: иногда заупокойные службы проводились над 50 покойниками одновременно. Бывало, что в одну могилу опускали по 10-20 трупов. Ал-Айни, как и Микель де Пьяцца, указывает: *“Не стало людей в домах; в последних были брошенные позитки, утварь, серебряные и золотые деньги, но никто не брал их”* (Тизенгаузен 1884: 529-530).

Классическое описание чумы во Флоренции в 1348 г. оставил Джованни Боккаччо (1313-1375). Предисловие “Декамерона” представляет *“воспоминание о последнем чумном поветрии, бедственном для всех, кто его наблюдал и кого оно так или иначе коснулось”*. Позволю себе привести несколько коротких выдержек из ставшего хрестоматийным текста, так как они дают ясное представление об умопомрачительной реальности тех событий.

“...Сама жизнь коренным образом изменила нравы горожан.

...Весь город пребывал в глубоком унынии и отчаянии.

...От этой болезни не помогли и не излечивали ни врачи, ни снабдьба.

...Выздоровливали немногие, большинство умирало на третий день...

...Бедствие вселило в сердцах мужчин и женщин столь великий страх, что брат покидал брата.

...Умерший человек вызывал тогда столько же участия, сколько издохшая коза.

...Весь город полон был мертвецов.

...На переполненных кладбищах при церквях рыли преогромные ямы и туда опускали целыми сотнями трупы, которые только успевали подносить к храмам. Клали их в ряд, словно тюки с товаром в корабельном трюме, потом посыпали землей, потом клали еще один ряд — и так до тех пор, пока яма не заполнялась доверху.

...С марта по июль... в стенах города Флоренции умерло, как уверяют, сто с лишним тысяч человек. Город в силу указанных обстоятельств опустел.”

В огромной, еще перед тем процветавшей Флоренции не было человека, не потерявшего во время эпидемии близких людей. У самого Боккаччо чума забрала отца, занимавшегося, чтобы остановить болезнь,

вывозом нечистот из города. В панике одни люди забирались в дома, ожидая, что будет. Другие предавались безудержному разгулу. Третьи бежали — *“может быть, они полагали, что городу пробил последний час и все его жители, как один человек, перемрут”*. В такой обстановке хозяйственная деятельность пришла в полный упадок. Одиачалые домашние животные бродили по заброшенным полям (Боккаччо 1970: 35-41).

Из Марселя чума распространилась вглубь материка, поразив летом 1348 г. всю Францию. Охватив сначала юг и юго-запад страны, она вышла по долине р.Гаронна к Тулузе, Бордо и к атлантическому побережью. Отсюда, вероятно с одним из кораблей, доставлявших бордоское вино, зараза тем же летом попала на островную Англию, в порт Уэймут. По другим сведениям, *“Воротами чумы”* стал Мелькомб в Дорсетшире. В 1349 г. страшная болезнь опалила смертельным пламенем почти всю Британию. Аналогичная участь постигла и Ирландию, куда чуму завезли из Бристоля (Самаркин 1976: 75; Макэведи 1988: 71).

В Англии знали о том, что происходило на материке, поэтому в тревоге перед ужасной неизвестностью люди жили самыми невероятными слухами. Поэтическое воображение эпохи создало особый литературный жанр “легенд о чуме”. Они красочно описывали разгульную жизнь и неожиданное появление Смерти в образе женщины или старца в черном (вариант — красном) одеянии. Так, в сущности, развивалась официальная трактовка о ниспослании чумы Богом в наказание за грехи. Одна из первых версий “легенды” изложена монахом Найтоном из Лестерского монастыря. Она гласит, что в 1348 г. во многих людных местах Англии вдруг появлялась кавалькада из 40-50 богато и ярко наряженных всадниц с кинжалами. Их шутовское облачение и непристойная гульба вызвали гнев Господний. Всякий раз во время игрищ налетал шквальный ветер, небо содрогалось от грома и молний. За предупреждениями последовала расплата: *“В том же году и в следующем в целом свете начался мор и надеж”*. Людей еще кое-как хоронили, а издохшие животные оставались разлагаться на месте гибели. В окрестностях Лондона одно из пастбищ было усеяно трупами 5 тыс. овец, смрад от которых пугал даже зверей и птиц. *“После чумы много зданий, больших и малых, во всех городах, поместьях и селениях разрушилось, ибо никто в них не жил”*. В течение второй половины XIV в. в Англии исчезло до 1000 деревень. Людям того времени казалось, что чума властна *“даже над деревом и камнем”* (Гарднер 1986: 108-110).

В 1349 г. эпидемия свирепствовала и на побережье Скандинавии. По преданию, чума скосила экипаж одного судна, доставлявшего шерсть из Лондона в Берген. Через несколько дней на борт дрейфовавшего у норвежских берегов корабля поднялись, подплыв к

нему на лодках, местные жители. Найдя команду мертвой, они взяли шерсть и вернулись обратно. С ними на берег сошла и Черная смерть. К этому времени мор поразил большую часть Европы, передвигаясь вместе с людьми не только по морю, но и по суше, в частности, через север Италии в глубь материка. Сильно пострадали земли нынешних Нидерландов, Бельгии, Дании, Германии, Швейцарии, Австрии. Затем зараза посетила Венгрию, Швецию, Польшу, русские владения (Самаркин 1976: 75; Макэведи 1988: 71).

В русских землях Черная смерть впервые появилась на северо-западе не ранее 1349 г. Летописец под 6857 г. (от сотворения мира) говорит о появлении страшного заболевания в Полоцке. Возможно, его вспышка носила локальный характер, поскольку в следующем году о болезни ничего не сообщается, а в 1351 г. летописный текст зафиксировал лишь слухи о надвигавшемся бедствии. В Никоновском своде читаем об этом: *“Нача слыти мор в людех, тако бо изволися Господу Богу”* (ПСРЛ-10 1965: 221-222). Обреченность повествования и последовавшие события дают основания думать, что известия эти, а за ними и зараза, распространялись с запада.

Трагедия разразилась в 6860 г. (=1352 г.) — *“бысть мор во Пскове силен зело и по всей земле Псковской”*. И здесь смерть наступала уже на третий день после заболевания, сводя в могилу множество людей. *“Священницы не успеваху тогда мертвых погребати, но во едину ночь до заутриа сношаху к церкви мртвых по двадесять и до тритцати, и всем тем едино надгробно пение отвеваху...; и тако полагаху по пяти и по десяти во едину могилу. И сице бяше по всем церквам. И не бе где погребати мертвых...”* Некоторые богатые люди пытались отдать свое имущество нищим, но никто его не брал — *“аще бо кто у кого возметь, в той час неисцелно умирает”*. Попытки ухаживать за умирающими также заканчивались плачевно для здоровых, поэтому многие из людей контактов с зараженными избегали. Напуганные донельзя постигшей их бедой, псковичи обратились к архиепископу Новгородскому Василию с надеждой получить его благословление. Владыка, вняв слезным мольбам, побывал в Пскове, а 3 июня на обратном пути сам умер на р.Узе, сраженный коварным недугом. *“Промыслом Божиим”* смерть простерла свои крылья над Новгородом и всеми подвластными ему землями. И здесь за короткое время *“многое множество безчислено людей добрых умре”*. Чума в тот же год *“по всем землям походи”*. Опустели Смоленск, Киев, Чернигов, Суздаль. Как свидетельствует летопись, в Глухове и Белоозере вообще ни одного жителя не осталось — *“вси изомроша”*. Так хозяйничала *“во всей земле Русстей смерть люта, и*

напрасна и скоро; и бысть страх и трепет велий на всех человецех” (ПСРЛ-10 1965: 223-224).

Не утихомирилась чума и в 1353 г., когда ее смертоносную хватку испытала Москва. С наступлением весны болезнь пробралась и в великокняжеские палаты. Одного за другим она унесла в небытие самого великого князя, 36-летнего Симеона Гордого, двух княжичей — его сыновей и брата, князя Андрея. Ранее Черная смерть, по всей видимости, ускорила кончину митрополита Феогноста (ПСРЛ-10 1965: 226; Соловьев 1988: 251).

В дальнейшем чума, по ряду данных, ушла на юг (Гумилев 1989: 565). Как будто специально направленный высшей волей, ужасный “танец смерти” сомкнулся в круг. Это впечатление отмечают многие изучавшие особенности “великого мора”. Например, замечательный исследователь прошлого века Гезер писал, что Черная смерть *“исчезла в тех самых местах, из которых пять лет тому назад она начала свое роковое шествие по Европе”* (Гезер 1867: 108). На самом деле ее европейская жатва продолжалась дольше — с 1346 г. по 1353 г. Итог первого натиска пандемии был чрезвычайно тяжелым. Западная Европа всего за четыре года потеряла ок. 20 млн. человек. Смертность среди заболевших составляла 70-80% (Макэведи 1988: 68). Только в одном Бремене чума унесла более 2/3 населения. Англия лишилась примерно 1/3 обитателей (Самаркин 1976: 78). Судя по приведенным документальным свидетельствам, в отдельных местах летальность достигала даже 100%.

Последовавшие затем неоднократные повторы чумного мора еще более усугубили положение в Европе. Новые вспышки болезни отмечены почти во всех странах во второй половине XIV — первой трети XV вв. В Англии чума засвидетельствована в XIV в. 7 раз, а в Италии и того чаще (Самаркин 1976: 79). С 1338 по 1427 гг. численность жителей Флоренции и ее округа сократилась более чем в 3 раза. Если в 1300 г. средняя продолжительность жизни составляла 40 лет, то к 1400 г. этот показатель составлял только 20 лет. Население Италии, насчитывавшее в самом конце XIII в. 11 млн. человек, к середине XV в. едва достигло цифры 8 млн. (Котельникова 1987: 93). С 1348 г. Франция за 70-80 лет похоронила не менее 30-40% населения (Бессмертный 1991: 136-139).

Понятно, что проблемы опустошенных заразой стран ложились на плечи живых. Поэтому историков всегда интересовали вопросы, связанные с ними. Какова была реакция на чуму людей, переживших или, во всяком случае, надеявшихся пережить это страшное бедствие? Сказались ли последствия эпидемий на судьбе целых стран, народов и обществ?

II. “A peste, fame, bello libera nos Domine!”

Вынесенная в заголовок этой части статьи католическая молитва-заклинание: “*От чумы, голода, войны избавь нас, Господи!*” — перечислила бедствия, от которых более всего страдала Западная Европа (Самаркин 1976, 73). Роль чумы, как можно видеть, в данной триаде главенствующая. Надо думать, средневековое сознание европейца выдвинуло смертоносную болезнь на первый план не только потому, что ее визиты были особенно пагубны, но и по причине бессилия людей перед заразой. Тут почти все зависело от Господа, ибо в голод хоть как-то можно было раздобыть продовольствие, а войну прекратить победой или замирением. По замечанию Ф.Броделя, “*всякий раз итог очень тяжел, даже если он и не достигает баснословных цифр, сообщаемых хрониками, даже если случаются «малые» вспышки чумы, а порой и ложные тревоги*”. Характерно, что в разные годы, в значительно отдаленных друг от друга землях Черная смерть вызывала однообразные схемы поступков, предосторожностей и социальной дискриминации (Бродель 1986: 99, 101).

Официальная версия о чуме, ниспосланной Богом в наказание за смертные грехи, равно как и толкования ученых о влиянии небесных светил, вовсе не успокаивали массовое сознание. Напротив, в нем ясно проявились пугающие аномалии. Вот подтверждающая это утверждение выдержка из Мансфельдской летописи: “*Случалось наблюдать приятное зрелище, что люди, даже малые дети, то с молитвою, то с псалмопением прощались с этим светом*”. С другой стороны, отмечен необузданный разгул — целые города во Франции танцевали. В Нейбурге игрались шумные свадьбы и давались пышные обеды, а бернский магистрат распорядился устроить “*увеселительное шествие в масках*” (Гезер 1867: 119-121). Аргументацию такого поведения находим в приведенной Дж.Боккаччо расхожей тогда фразе: “*Все равно, мол, скоро умрем*” (Боккаччо 1970: 37). Соотечественник и младший современник автора “Декамерона”, новеллист и поэт Франко Саккетти (ок.1330-1400) полагал, что его читатели в произведениях ищут “*уют и утешение среди стольких несчастий, чумы и смерти*” (Гуревич 1990: 123).

Многие из имущих стремились жертвовать в пользу храмов, надеясь тем спасти души. “*Богатые убо человеци даваху святым церквам и монастырем села, озера и ловища*”, — читаем в Никоновском своде (ПСРЛ-10 1965: 223). Так же поступило со своим золотом и купечество Любека. Описаны случаи, когда боявшееся заражения духовенство запирало перед такими людьми ворота, а они бросали пожертвования через ограду (Гезер 1867: 119). “*Несколько шизофреническое*” состояние умов отчаявшегося перед зара-

зой населения всюду демонстрировало “*парадоксальное сомнение наряду с испуганной верой*”. В Англии, да и на континенте особенно популярными стали сентенции “последнего римлянина”, философа и поэта Боэция (ум. 524 г.), вроде: “*все совершается к лучшему*” (Гарднер 1986: 114-117).

В коллективных молениях и мистериях нередко участвовали многотысячные толпы. В 1349 г. во всей Европе, за исключением Англии и Дании, небывалых размеров приобрели шествия самобичевателей — “флагеллантов”. Полуголые участники процессий с красными крестами кающихся передвигались из города в город. В храмах перед алтарями они немилосердно стегали друг друга ремнями с железными крючками. В покаянных песнях на родном языке и молитвах окровавленные, обезумевшие от страданий люди просили Бога устранить чуму. Когда, наконец, странствующие самобичеватели явились в Авиньон, чтобы исполнить свои обряды на глазах папы, курия испугалась. Флагеллантство было запрещено и стало жестоко преследоваться, а затем движение, претендовавшее на прямое общение с Господом, сошло на нет (Гезер 1867: 122-124; Лозинский 1986: 173-174).

Жуткой страницей из истории Европы времени Черной смерти являются массовые преследования и уничтожения евреев. В районе Женевского озера после пыток схваченных людей был раскрыт “заговор” иудаистов. Их обвинили в злоумышленных связях с нечистой силой, колдовских шабашах, отравлении вод и распространении заразы. Тут же гонения еврейских общин охватили все окрестные поселения (Гинзбург 1990: 133-134). В Базеле нарочно построили деревянное здание, в котором собрали и сожгли евреев. Почти по всей Европе запылали синагоги, еврейские лавки и жилища, а нередко и целые кварталы. Людей в лучшем случае насильно крестили или изгоняли. В Страсбурге, вопреки заступничеству магистрата, горожане в ярости к мнимым виновникам мора уничтожили 900 иудаистов из 1884. Гропами множества убитых черню парижских евреев несколько месяцев кормились волки. Ландграф Фридрих лично приказал магистрату Тюрингена “во славу Бога” по его примеру сжигать евреев. Безысходность положения обвиняемых в общей беде была столь велика, что в Майнце еврейское население предпочло казни самосожжение. Даже папа Климент VI и император Карл IV не смогли противостоять этому коллективному безумству (Гезер 1867: 126-128). Хронист Диссенгофен засвидетельствовал: “*В течение года были сожжены все евреи от Кельна до Австрии*” (Лозинский 1986: 174). А в итоге за 1347-1350 гг. было уничтожено более 350 еврейских общин (Суши 1992: 187).

Этим поиск виновников мора не ограничивался. Христиане часто видели причину Черной смерти в кознях мусульман. Приверженцы Аллаха, в свою очередь, считали устроителями эпидемии “неверных”. Разумеется, от всех немало доставалось и ведьмам (Макэведи 1988: 69). Молва в народе о колдовском “напуске” нашла поддержку у клира. В храмах стало обязательным еженедельное проклятие магов и колдунов (Орлов 1992: 165). Не случайно представление о шабаше кристаллизуется в Западных Альпах к середине XIV в. Именно тогда европейцы и воспылали общей ненавистью к вредоносным “сектам” (Гинзбург 1990: 134). Имела место и персонификация зла. Так, потерявший во время чумы в Авиньоне свою возлюбленную гениальный Петрарка обвинял сговор с дьяволом самого папу, чья резиденция находилась в том же городе. В ответ поэта уличили в колдовстве за цитирование Вергилия (Лозинский 1986: 175). Англичане видели причину мора в проделках шотландцев, которые считали ответственными за чуму англичан (Гарднер 1986: 108-109). В некоторых городах Германии пострадали могильщики, прославившиеся в народе как отравители колодцев (Гезер 1867: 127).

Конечно, иррациональное сознание соседствовало тогда с вполне разумными представлениями о способах предотвращения заражения. Чтобы противостоять страшной болезни, как власти, так и отдельные люди пытались принимать всевозможные меры: охрана объектов, вывоз нечистот из городов, распространение советов медиков, изоляция больных или самоизоляция здоровых, быстрое избавление от трупов, ароматические курения, дезинфекция. Для очищения воздуха на улицах и в домах даже в жару жгли костры (Боккаччо 1970: 36-40; Гезер 1867: 117-118; Бродель 1986: 99).

Иногда стремление выжить порождало невиданную жестокость и далекие от христианской морали поступки. Скажем, в избежавшем массового мора Милане три заболевших семьи были замурованы в собственных домах и заживо сожжены (Самаркин 1976: 76). Невозможность традиционного захоронения множества умерших в Авиньоне заставила папу Климента VI благословлять тела покойников на “погребение” в водах Роны (Гезер 1867: 111). Вместе с тем сжигание умерших от чумы, обычное для античности, практиковалось редко. Воспринимая кладбища как “священное место”, люди средневековья не осмеливались даже удалять их от городов или обеззараживать чумные могилы гашеной известью (Аръес 1992: 389-390).

Одним из самых распространенных методов являлось максимальное ограничение общения с окружающими людьми. В 1348 г. во Флоренции немало горожан запирались дома, избегая контактов и стараясь во всем соблюдать умеренность (Боккаччо 1970: 37).

С этой целью тогда же в Лондоне отменили сессию парламента и закрыли школы (Гарднер 1986: 107).

Всюду прибегали к дезинфекции вещей, включая деньги. Для этого широко использовался уксус. Народ, чтобы уберечься от болезни, пользовался как лекарством чесноком, пахучими травами. Весьма эффективным средством против заразы считался запах козла, отпугивавший блох — переносчиков чумы. Врачи предписывали больным традиционные средства того времени: кровопускания, клизмы, слабительное и рвотное. Встречались и более экзотические рецепты лечебных средств, приготовленные из чешуи рыбы, кожи змеи, сердца лягушки, а также из рога мифического единорога (Грозданова 1989: 540; Goglin 1993: 74). Однако, по наблюдениям современников и исследователей, очень часто единственным радикальным методом противостояния чуме являлось бегство (Самаркин 1976: 75). По сообщению Габриэля де Мюсси, “*желая отыскать здоровые местности, некоторые из генуэзцев бежали за Альпы, в равнины Ломбардии*” (Гезер 1867: 100). Более подробно такого рода действия описывает Микель де Пьяцца: “*Жители Мессины, пораженные этим ужасным и неслыханным бедствием, предпочли покинуть город, нежели там умереть, и никому не разрешалось не то что войти в город, но даже приблизиться к нему. За пределами города они устроили для своих семей убежища на открытых местах и в виноградниках*”. Большинство из них направилось в Катанию, надеясь на заступничество покровительницы города, “*блаженной Агаты*”. Таким образом мессинцы “*рассеялись по всей Сицилии*” (Дюби 1994: 228).

Автор “Декамерона”, следуя своему замыслу, специально выделяет категорию беглецов от чумы. “*У иных был более суровый, но зато, пожалуй, более верный взгляд на вещи: эти утверждали, что нет более действенного средства уберечься от заразы, как спастись от нее бегством*”. Бросив дома, пожитки и родных, многие люди уходили в окрестности Флоренции и других городов. Одна из героинь произведения, по имени Пампинея, предложила своим подругам “*самое лучшее*” — подобно другим, “*оставить город и, страшась пуще смерти дурного общества, благопристойным образом удалиться в загородные именья*”. Дворец на зеленой горке, который отделяли от зачумленного города всего “*какие-нибудь две мили*”, спас жизнь десятилетнему молодому жителю Флоренции и их слугам (Боккаччо 1970: 38, 44-47, 656).

Однако бегству стихийному в ряде случаев противостояло организованное перемещение в безопасные районы. Особенно это справедливо, коль речь идет о правителях и высокопоставленных особах, обладавших подчиненным дисциплине окружением. Так, в 1348 г., когда чума охватила средиземноморское

побережье Пиренейского полуострова, “двор переехал в Арагонию, куда не проникла зараза” (Гезер 1867: 102). Таким же образом позднее поступали и в Англии. С появлением чумы в Лондоне (1368 г.) сопровождаемое многочисленной свитой и прислугой королевское семейство укрылось в уединенном среди лесов Виндзорском замке (Гарднер 1986: 235). И почти через 300 лет, в 1664 г., вновь опасаясь заразы, камарилья покинула столицу, направившись в Оксфорд. Так же поступили многие имущие семьи. В Лондоне было покинуто более 10 тыс. домов. Во Франции XV-XVI вв. в связи с чумой отмечено неоднократное “бегство с постов” парламентов в полном составе, кардиналов и мэров. Право временного переселения за город в случае чумы иногда предусматривалось и при заключении арендных договоров на землю (Бродель 1986: 100-101).

Как полагают некоторые исследователи, бегство оставалось в эпоху средневековья единственным надежным “лекарством” от чумы, если только люди не запаздывали с его применением (Goglin 1993: 73). Не случайно выражения, связывающие с чумой бегство с обжитых мест, стали устойчивыми словосочетаниями у различных народов. Весьма расхожая фраза “бежать как от чумы” отражает многовековую готовность населения под угрозой мора спешно оставлять родные очаги. В болгарских землях известна пословица чумных времен, ставившая в прямую зависимость от

бегства спасение или смерть: “*Кой бяга — утече, кой не бяга — не остана*” (Грозданова 1989: 540). Черная смерть и вызванные ею волны антисемитизма были причинами массового бегства евреев. Многие из них устремились в Польшу, получив разрешение селиться во владениях Казимира Великого (1333-1370). По некоторым данным, такого позволения для своих сонародников добилась фаворитка короля Эсфирь (Гезер 1867: 127).

С большой вероятностью можно утверждать, что исчезновение ряда населенных пунктов нужно связывать скорее с бегством, чем с полным вымиранием их жителей. В частности, это касается Белоозера, где, согласно летописи, после мора 1352 г. “*ни един человек не остана*” (ПСРЛ-10 1965: 224). Тем не менее, позднее город с тем же названием вновь поднялся, правда, на новом месте, в 17 км от старого (Сахаров 1959: 79-80). Едва ли такое возрождение Белоозера происходило без участия его уцелевших жителей. Более того, можно думать, что часть горожан возвратилась и на старое место. По крайней мере, достоверно установлено, что до 1398 г. два Белоозера — старое и новое — сосуществовали (Кучкин 1990: 77). Факты перенесения поселений в результате чумы на другое место, отдаленное от прежнего на несколько и более километров, известны во многих странах. Например, на Балканах такая практика фиксируется вплоть до нового времени (Грозданова 1989: 541).

III. Великая чума в Улусе Джучи

Собственные беды заслонили от европейцев те удары, которые нанесла чума по Золотой Орде. Впрочем, и общее свертывание экономических связей с Северным Причерноморьем привело к резкому сокращению интенсивности обмена информацией. По мере удаления от родных краев навстречу солнцу западные представления того времени, как правило, сливались в единое, таинственное и слабобасчлененное понятие “Востока”. Поэтому рассказы о далеких странах обычно не отличаются конкретностью и точностью.

Ярким примером европоцентризма может служить повествование Боккаччо. Автор раскрывает тему чумы, двигаясь последовательно от наиболее общего к частному, — от упоминания Востока до детального описания мора во Флоренции 1348 г. Вот как он пишет о маршруте губительной болезни: “*За несколько лет до этого она появилась на Востоке и унесла бесчисленное число жизней, а затем, беспрестанно двигаясь с места на место и разросшись до размеров умопомрачительных, добралась наконец и до Запада*” (Боккаччо 1970: 35). Едва ли отличаются достоверностью и сообщения о числе жертв мора вроде того, что в Вавилоне за три месяца погибло 480 тыс. человек. Общее же количество умерших от чумы на востоке,

по данным донесения папе Клименту VI, составляло 23,84 млн. человек (Гезер 1867: 110).

Справедливости ради отметим, что русский летописец при описании чумы 1352 г., как видно, явившейся во Псков из Европы, также передает ходившие в народе слухи: “*Глаголаша же неции, яко той мор поиде из Ындейския страны и земли от Солнца града*”. Однако вовсе не исключено, что слухи о море, впервые появившиеся годом ранее, также имели западное происхождение (ПСРЛ-10 1965: 222, 224). С другой стороны, и в арабском мире мало что знали о том, откуда появилась болезнь. Иной раз толковали в целом о “*странах Северных*”. Другой раз говорили о “*Стране Мраков*”, где болезнь разразилась еще в 1333-1334 гг. (Тизенгаузен 1884: 530). Очевидно, что непосредственно действий чумы в Золотой Орде эти расплывчатые известия не касаются.

Тем не менее, даже скудные данные, собранные из различных источников, все же позволяют судить и о последствиях чумы в ордынских пределах. Уже Габриэль де Мюсси свидетельствует как очевидец, что в 1346 г. эта необъяснимая болезнь унесла в могилу “*бесчисленные тысячи*” татар и сарацин. В результате “*почти совершенно обезлюдели*” множество мест, включая

города и крепости (Гезер 1867: 97-98; 13-14 — Прибавления).

Рассказ под 6854 г. (=1346 г.) из Патриаршей летописи значительно более детален. *“Бысть мор силен под восточную страну: на Орначи, и на Азсторокани, и на Сарай, и на Бездежи и на прочих градах стран тех, на христианех, и на Арменех, и на Фрязах, и на Черкасех, и на Татарех, и на Обязах, и яко не бысть кому погребати их”* (ПСРЛ-10: 217). Это же событие известно и в описании еще одного современника, ссылающегося на сведения очевидцев, — арабского канониста и литератора Ибн ал-Варди. Автор послания “Весть о чуме”, он сам стал ее жертвой в начале 1350 г. В другом своем сочинении Ибн ал-Варди сообщает: *“В 747 году приключилась в землях Узбековых чума, (от которой) обезлюдели деревни и города; потом чума перешла в Крым, из которого стала исторгать ежедневно до 1000 трупов, или около того. Затем чума перешла в Рум, где погибло много народу, — сообщил мне купец из людей нашей земли, прибывший из того края, что кади Крымский рассказывал (следующее): «Сосчитали мы умерших от чумы, и оказалось их 85.000, не считая тех, которых мы не знаем»*. Названный по мусульманскому летоисчислению год длился с 24 апреля 1346 г. по 12 апреля 1347 г. (Тизенгаузен 1884: 498, 530).

Все три приведенных источника не только характеризуют чуму в 1346 г. на той же территории, но подтверждают и дополняют друг друга. Сообщение русской летописи прямо относится к обширным среднеазиатским, поволжским, кавказским и причерноморским владениям Золотой Орды. Ареал эпидемии охватывает земли от поволжских городов (Астрахань, Сарай, Бельджамен) до Ургенча (Хорезма) в Средней Азии, кавказских пределов и побережья Черного моря, в частности, наиболее освоенного итальянцами (*“фрягами”*) Крыма (Егоров 1985: 87-90, 109-110, 112-117, 119, 120-123, 126). Пассаж, взятый у арабского автора, относится к городу Солхату (Крым, ныне Старый Крым) — главному политическому центру Орды на полуострове, откуда чума перекинулась на Византию (“Рум”).

Византийские писатели XIV в., часто пользовавшиеся античной терминологией, несколько расширяют географию Черной смерти в границах Золотой Орды. Иоанн Кантакузин утверждает: *“Она началась ранее всего у северных скифов, прошла почти по всем приморским землям мира и погубила многих жителей”*. При этом страшная чума *“обошла не только Понт, Фракию и Македонию, но и Элладу...”* (Кантакузин 1980: 377). Никифор Григора показал направление распространения чумы 1347 г., которая охватила многие населенные земли, *“двигаясь от скифов и Меотии, и от устьев Дуная, (...) проходя только в точнос-*

ти по берегам” (Гезер 1867: 32 — Прибавления). “Северными скифами” здесь как раз именуются золотоордынцы, господствовавшие в степях от Азовского моря (“Меотия”) до низовьев Дуная (Егоров 1985: 80, 92-94). Важным качеством этих сообщений является фиксация ими, помимо морского, сухопутного маршрута движения болезни из Золотой Орды в Византию.

Никоновский свод содержит другие сведения о новых страшных вспышках чумы на Руси во второй половине XIV в., которые могут объясняться проникновением болезни из Орды (ПСРЛ-11: 3, 25, 162). Так, 1364 (6872) г. ознаменован столь ужасным чумным мором на Руси, что *“опусте земля вся и порасте лесом, и бысть пустыни всюду непроходимые”*. *“А пришел он от низу, от Бездежа, в Новгород в Нижний, а оттуду (...) разыдеся в все грады”*. Страшное поветрие сопровождалось невиданной засухой: *“Того же лета бысть сухмень велиа по всей земле и въздух куряшеса и земля горяше”*. В 1374 (6882) г. был *“на люди мор велик по всей земле Русской. (...) У Мамаа тогда во Орде бысть мор велик”*. Не менее жесток был и 1396 (6904) г. *“На Ординских местех, в примории, и прииде не него гнев Божий, мор силен на люди и на скоты”*. С.М.Соловьев называет вторую половину XIV в., когда летописные известия о море встречаются едва ли не каждые пять лет, *“несчастной”* (Соловьев 1988: 532).

В XV в. вспышки чумы на территории Золотой Орды продолжались. К примеру, египетский историк ал-Макризи (1364-1442) сообщает, что во время моровой язвы и засухи, имевших место в 833 г.х. и несколько предшествующих лет — 1428-1430 гг., *“погибло множество народа”*. По его словам *“уцелили из них (татар) со стадами только немногие роды”* (Тизенгаузен 1884: 442).

Многочисленное появление чумы в районах Нижнего Поволжья и ордынских владениях вообще объясняется существованием тут древних природных очагов болезни. Мало окультуренные человеком сухие степи и полупустыни являлись характерным местом обитания грызунов и блох — главных носителей и переносчиков болезни (Николаев 1968: 22-24, 42-44 и др.). Благоприятная для их расселения и размножения ландшафтная полоса тянулась через Северное Причерноморье далеко на запад. Даже на Балканах в средние века большие вспышки чумы, по различным оценкам, имели место примерно раз в 23 или даже в 12 лет. Тогда ее жертвами становилось более 20% городского населения. По этой причине при постоянной угрозе дезурбанизации, некоторые балканские города по площади занимаемых участков местности уступали своим кладбищам (Грозданова 1989: 535-538; Stoianovich 1970: 58-59). Есть основания думать, что имеющиеся в летописи указания о множестве случаев чумы в различных районах на юге Восточной Европы также

могут быть связаны с действием природных очагов заболевания на территории Золотой Орды. В особенности “*велик зело*” оказался мор 1366 (6874) г., погубившей множество людей “*въ граде Москве и по всем властем Московским*”, а также в граничившей с западными татарскими владениями Литве (ПСРЛ-11: 6).

Таковы основные сведения памятников письменности по рассматриваемой проблеме. Их сведений, к сожалению, недостаточно, чтобы делать надежные исторические выводы. Не случайно в одной из новейших работ по демографии Восточной Европы средних веков подчеркивается отсутствие ответа на важнейший вопрос: “*Имел ли место на Руси XIV-XV вв. заметный рост населения и какова его роль в процессе освобождения от монголо-татарского ига*” (Горская 1994: 55). Очевидно, исследование поставлено перед необходимостью привлечения к работе косвенных сообщений письменных источников и материалов археологии.

Однако в историографии по-прежнему господствует давняя традиция скепсиса относительно возможностей исторической интерпретации археологических находок. Достаточно ясно, хотя и корректно, эти сомнения выражены следующей сентенцией Арнольда Тойнби: “*Увы, Археология и История говорят на разных языках, и перевод, надо сказать, не всегда точен*” (Тойнби 1991: 66). Впрочем, Марк Блок не признавал такого разделения почти бесконечного разнообразия исторических свидетельств: “*Все, что человек говорит или пишет, все, что он изготавливает, все, к чему прикасается, может и должно давать о нем сведения*” (Блок 1973: 38).

В научной литературе давно обращено внимание на то, что Великая чума, как и другие начавшиеся с середины XIV в. катастрофы, мало связана с климатом (Ле Руа Ладюри 1971: 189). Однако русские летописи фиксируют временное совпадение периодически повторяющихся чумных эпидемий с засухами или, реже, напротив — с чрезвычайно дождливыми годами (Борисенков, Пасецкий 1988: 88-89, 178-179, 277-284, Приложение). В обоих случаях естественными спутниками неумолимой болезни являлись “*хлебная дороговья повсюду и глад велий*” (ПСРЛ-11 1965: 6, 16). По мнению свидетелей, на огромных пространствах — от Китая до Западной Европы — события развивались достаточно однообразно, ибо повсюду “*нарушалась обычная связь природы*” (Гезер 1867: 91-96).

На взаимозависимость голодных лет с эпидемиями указывает и ал-Макризи, потерявший в чуму 1403 г. единственную дочь. Анализируя историю голодных лет в Египте с древнейших времен до 1405 г., он объясняет резкое вздорожание продовольствия и “*исчезновение радостей мирской жизни*” введением в оборот множества неполноценных денег. Хотя “*цены на то-*

вары с учетом содержания в них серебра и золота” повысились совсем ненамного, экономика совершенно расстроилась. “*Провинции оказались на грани разрухи и гибели*” (Бунятов 1987: 174-178).

Интересно, что во Франции, которую Черная смерть лишила около половины жителей, беспрестанно страдавших от ужасов Столетней войны и почти хронического голода, люди думали сходным образом. В ордонансе Иоанна II от 1360 г. после перечисления выпавших к этому времени на долю страны бедствий сказано: “*Происходили также многочисленные порчи и понижения ценности монеты, из-за чего означенное королевство наше и население его сильно уменьшились и разорились...*” (Мелик-Гайказова 1970: 153-156). Если подобные деформации жизни носили в чумные времена всеобщий характер, то чрезвычайно интересными оказываются сведения о находках джучидских монет на юге Восточной Европы.

Деньги ханов Золотой Орды XIV в. обладают свойствами добротных источников вследствие массовости находок и дробности их датировок. Хорошая разработка этой категории материала как в составе кладов, так и в городских коллекциях также является важной предпосылкой для успешного исследования вопроса (Федоров-Давыдов 1960: 133-155; его же 1963: 185-215). Я рассматриваю монетную чеканку Орды времени Джанибека в поисках следов катастрофы, которая не могла не затронуть такие чувствительные сферы человеческой деятельности, как денежное хозяйство и товарно-денежные отношения. Не нужно забывать, что жизнь в степи, прежде всего для кочевников, прямо зависела от благоприятных природных условий (Ле Руа Ладюри 1971: 12; Борисов 1973: 263-265).

Установлено, что в 1342-1357 гг. джучидские серебряные монеты выпускались по весовой норме 1310-1311 гг. Фактический стандарт 1,52-1,55 г как будто даже утяжелен по сравнению с эмиссиями Узбека. Это незначительное увеличение веса дирхемов предложено считать проявлением нарушения цен на металлы и неблагоприятных явлений в денежном обращении. В то же время чекан ряда ордынских городов резко сократился, а монетные дворы других (например, Булгара, Азака) полностью прекратили свою деятельность. Среди причин данных изменений называют вспыхнувшую после смерти хана Узбека внутреннюю борьбу в Золотой Орде, а также последствия чумного мора (Федоров-Давыдов 1958: 11-13; Янина 1962: 170; Фомичев 1981: 240; Мухамадиев 1983: 81-85).

Практическая неизменность в течение нескольких десятилетий веса серебряных монет Золотой Орды обеспечивалась постоянным утяжелением медных пулов, размен которых к дирхему осуществлялся в соотношении 1:32. С этой целью старе легкие монеты

время от времени заменялись новыми, заметно увеличенной массы. В первой половине правления Джанибека джучидская медь была представлена чаще всего типом монет с изображением стилизованного двуглавого орла. Чеканились такие пулы в Сарай ал-Джедид — новой столице государства, располагавшейся на месте Царевского городища на левом берегу Ахтубы. Наиболее ранние из монет Сарай ал-Джедид относятся к 740 г.х. (1339-1340 гг.). Пулы с орлом преобладали примерно до конца 40-х гг. Очень редкие монеты этого типа с датами, вероятно, показывают хронологические пределы их выпуска — 743-751 гг.х. Изъятие старых медных денег и замена их пулами с изображением розетки-цветка происходят с середины столетия (Янина 1960: 213; ее же 1970: 197; Федоров-Давыдов 1980: 213-219; его же 1987: 180-183; Гусева 1985: 5, 19-21).

Другим важным событием чумного времени в Орде явилось возникновение монетного двора Гюлистана, имевшее место на фоне почти полной монополизации денежной чеканки столицей. Хотя исследователи спорят о местоположении города со столь поэтическим названием — то ли он находился близ одного из Сараев, то ли в районе Болгара, его история начинается только с 50-х гг. XIV в. (Мухамадиев 1983: 21-23; Егоров 1985: 114). По обильности выпусков монетный двор Гюлистана превосходила лишь продукция Сарай ал-Джедид. По различным сведени-

ям, среди сотен монетных находок Царевского городища дирхемы и пулы столичной чеканки составляли соответственно 46-46,9% и 53,8-65%, а аналогичная продукция Гюлистана — 25-26,5% и 30-37% (Федоров-Давыдов 1963: 169; Гусева 1985: 47).

Чтобы представить сходства и различия денежного обращения локальных рынков на широком историческом фоне, необходимо обобщение нумизматических материалов на территории Золотой Орды вообще, а также по отдельным ее регионам и городам. Анализируя монетные коллекции из городов Поднестровья, являющиеся предметом моих постоянных научных интересов, я обратил внимание на особенности хронологического распределения находок. Как выяснилось, монеты городищ Старый Орхей, Костешты и Белгород-Днестровский (Абызова, Бырня, Нудельман 1981: 81-88; Полевой 1969: 151-155; его же 1979: табл. 17; Булатович 1986: 117-120), четко фиксируют единство экономической жизни региона. Во всех трех случаях подавляющее большинство экземпляров — свыше 90% — приходится на два коротких временных промежутка: 1342-1357 и 1362-1369 гг. Отмеченные хронологические отрезки обозначают правление ханов Джанибека и Абдуллаха и по содержанию отличают города края от большинства других золотоордынских центров (Федоров-Давыдов 1963; Фомичев 1981).

Таблица 1. Джучидские монеты 1313—1368 гг. из городских коллекций

N п/	Названия городищ и их местоположение	Всего экз.	Узбек		Джанибек		Бердибек -- Абдуллах	
			экз.	%	экз.	%	экз.	%
1.	Царевское (Волгогр. обл.)	943	35	3,7	295	31,3	613	65
2.	Старый Орхей (Молдова)	723	11	1,5	380	52,6	332	45,9
3.	Селитренное (Астрахан. обл.)	680	143	21	428	63	109	16
4.	Болгары (Татарстан)	527	133	25,2	237	45	157	29,8
5.	Азов (Ростовская обл.)	378	181	47,9	13	3,4	184	48,7
6.	Наровчат (Пензенская обл.)	195	36	18,5	73	37,4	86	44,1
7.	Увек (Саратовская обл.)	183	35	19,1	72	39,4	76	41,5
8.	Костешты (Молдова)	94	6	6,4	71	75,5	17	18,1
9.	Белгород (Одесская обл.)	82	3	3,7	44	53,7	35	42,7
10.	Маджар (Ставропол. край)	39	16	41	17	43,6	6	15,4

Предмет настоящей статьи касается времени хана Джанибека. Избранный хронологический отрезок в городских коллекциях характеризуют разнообразные серебряные, а чаще медные деньги. Одни из них анонимные, но отнесены к данной группе по дате выпус-

ка. На других год чеканки не отмечен или стерт, тогда для определения имеет решающее значение тип изображения. Однако, как правило, все они (на каждом из памятников Поднестровья их доля составляет от половины до трех четвертей экземпляров) отчеканены

монетным двором столицы, Сарай ал-Джедид. Впрочем, датированные монеты этой группы далеко не равномерно распределяются по годам. Это наглядно демонстрирует довольно многочисленная выборка из нумизматического комплекса городища Старый Орхей, соотносимого с золотоордынским городом Шехр ал-Джедид 60-х гг. XIV в. (Янина 1977: 203-209). Из 361 датированной монеты выпусков Сарай ал-Джедид ко времени Джанибека относятся 308, или свыше 85%. Более того, на рынок Старого Орхей почти всегда попадали монеты, отчеканенные в 751, 752 и 753 гг.х.,

то есть с 11 марта 1351 г. по 5 февраля 1353 г. Есть единичные монеты, выпущенные ранее, но между годами их чеканки отмечены хронологические разрывы. С другой стороны, здесь нет ни одного экземпляра, представляющего эмиссии 754-758 гг. (Подробнее см.: Руссев 1990: 118-123).

Большое количество денег, выпущенных за очень короткое время монетным двором, удаленным за сотни километров от Поднестровья, отмечено и по другим нумизматическим комплексам региона. В коллекции из Костешт все 36 датированных монет эпохи

Табл. 2. ПогодиЧное распределение монетных эмиссий Сарай ал-Джедид времени правления хана Джанибека

Годы хиджры	КЛАДЫ						ЕДИНИЧНЫЕ НАХОДКИ							
	Золотая Орда		Нижнее Поволжье		Поднестровье		Золотая Орда		Нижнее Поволжье		Царев		Старый Орхей	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
740 г.	5	0,1	0	0	0	0	5	0,1	0	0	0	0	0	0
741 г.	65	1,7	5	0,4	0	0	2	2	1	0,5	0	0	0	0
742 г.	80	2	19	1,7	0	0	6	5,9	2	0,9	3	1,8	0	0
743 г.	428	10,9	262	23,3	0	0	3	2,9	5	2,3	5	3	0	0
744 г.	75	1,9	49	4,4	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
745 г.	377	9,6	87	7,7	1	2,4	6	5,9	9	4,2	2	1,2	0	0
746 г.	401	10,2	161	14,3	0	0	7	6,9	12	5,6	3	1,8	2	0,6
747 г.	1137	29	234	20,8	0	0	11	10,8	17	7,9	15	9	2	0,6
748 г.	498	12,7	104	9,3	0	0	3	2,9	8	3,7	4	2,4	1	0,3
749 г.	145	3,7	58	5,2	1	2,4	3	2,9	2	0,9	2	1,2	2	0,6
750 г.	128	3,3	33	2,9	0	0	2	2	2	0,9	1	0,6	0	0
751 г.	158	4	15	1,3	0	0	3	2,9	7	3,3	10	6	58	18,8
752 г.	286	7,3	52	4,6	12	28,6	44	43,1	129	60	85	50,9	144	46,8
753 г.	100	2,5	24	2,1	28	66,7	6	5,9	12	5,6	34	20,4	99	32,1
754 г.	17	0,4	12	1,1	0	0	0	0	1	0,5	0	0	0	0
755 г.	2	0,1	0	0	0	0	0	0	3	1,4	0	0	0	0
756 г.	1	0	7	0,6	0	0	3	2,9	1	0,5	1	0,6	0	0
757 г.	9	0,2	0	0	0	0	1	1	4	1,9	2	1,2	0	0
758 г.	8	0,2	1	0,1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
759 г.	1	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0
760 г.	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
761 г.	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Итого	3922		1123		42		102		215		167		308	

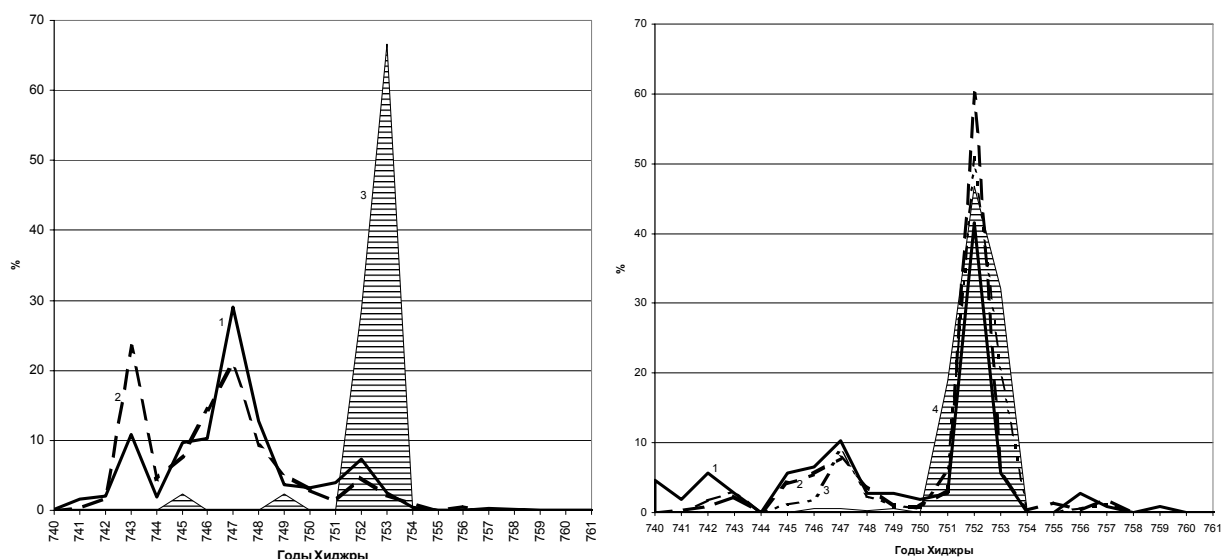

Рис. 1. Погодичное распределение монетных эмиссий Сарай ал-Джедид времен правления хана Джанибека. Слева — материалы кладов: 1 — Золотая Орда в целом; 2 — Нижнее Поволжье; 3 — Поднепростовье. Справа — материалы единичных находок: 1 — Золотая Орда в целом; 2 — Нижнее Поволжье; 3 — Царев; 4 — Старый Орхей.

Джанибека выпущены в 753 г.х. (Полевой 1969: 151-155). В четырех кладах из Поднепростовья с аналогичными монетами — Рашково I и II, Незавертайловка, Белгород-Днестровский II — 40 экз. датируются 752-753 г.х., 3 экз. — 40-ми гг. и ни одного выпущенного после 753 г.х. (Нудельман 1975: 96-97).

Данные о датированных деньгах времени Джанибека, собранные по публикациям находок джучидских монет на огромной территории Улуса Джучи (Федоров-Давыдов 1960: 133-155; его же 1963: 185-218), подтверждают абсолютное преобладание выпусков Сарай ал-Джедид — более 75% из 7390 учтенных экземпляров. Существенная роль принадлежит и эмиссиям Гюлистана — ок. 20% (табл. 2).

Хорошо видно, что в кладах доли этих монетных центров еще выше. Среди единичных находок господствующее положение Сарай ал-Джедид сохраняется, но отходит на задний план продукция Гюлистана. Зато важная роль принадлежит местным чеканам, а также выпускам старой столицы. Однако в том-то и состоит особенность Поднепростовья, что здесь абсолютно преобладают эмиссии Сарай ал-Джедид и до 60-х гг. неизвестен локальный чекан. По этой причине в первую очередь проведен анализ наиболее многочисленной группы монет. Материалы кладов позволяют сравнить ситуацию в Поднепростовье с общим положением в Золотой Орде и специально с Нижним Поволжьем — районом нахождения административно-политического ядра государства Джучидов. Аналогичным образом сравниваются коллекции Старого Орхей, Царевского городища, а также суммарно других городских центров на Нижней Волге и в масштабах всего улуса Джучи. Результаты исследования периода 740-761 г.х.

(с 9 июля 1339 по 10 ноября 1360 гг.) выражены графически (рис. 1).

Как можно убедиться, состав монет времени Джанибека в кладах, найденных в районе Нижнего Поволжья и в целом по Золотой Орде, совершенно иной, нежели в Поднепростовье. В первых двух выборках абсолютно преобладают экземпляры чеканки 743-748 г.х. — примерно 75-80%, а на 751-753 г.х. приходится соответственно только 8% и 14%. Напротив, в четырех небольших коллективных находках третьей группы 95% монет выпущено в 752-753 г.х. Иначе обстоит дело с хронологией единичных монет. К эмиссиям 743-748 г.х. относится более 29% находок, учтенных в пределах всего ордынского государства. Затем по мере сужения ареала доля таких монет падает — в районе Поволжья она составляет лишь около 24%, а на Царевском городище — несколько более 17%. В Старом Орхее этот показатель совсем мал — 1,5%. Вместе с тем, деньги, датируемые 751-753 гг., составляют среди названных групп находок почти 52% по Золотой Орде, 68,8% по Нижнему Поволжью, более 77% в Цареве и до 98% в Старом Орхее. Таким образом, здесь налицо противоположная предшествующим годам картина, когда отмечается возрастание числа монет 751-753 гг. в столице и в Старом Орхее по сравнению с другими территориями.

Близость монетных коллекций из Сарай ал-Джедид и Старого Орхей явно не вписывается в рамки обычных отношений центра и окраины. Когда деньги столичных эмиссий наиболее массово распространялись в пределах Золотой Орды (743-748 г.х.), в Поднепростовье попадали лишь единичные экземпляры. Зато в начале 50-х гг. их поступление сюда превосходит

ТАБЛ. 3. ПОГОДИЧНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОДУКЦИИ ВЕДУЩИХ МОНЕТНЫХ ДВОРОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ ВРЕМЕНИ ПРАВЛЕНИЯ ХАНА ДЖАНИБЕКА

Годы хиджр	Сарай ал-Джедид		Гюлистан	
	экз.	%	экз.	%
740 г.	6	0,08	0	0
741 г.	73	0,99	0	0
742 г.	110	1,49	0	0
743 г.	703	9,51	0	0
744 г.	124	1,68	0	0
745 г.	481	6,51	1	0,01
746 г.	584	7,9	1	0,01
747 г.	1414	19,13	9	0,12
748 г.	616	8,34	0	0
749 г.	210	2,84	0	0
750 г.	166	2,25	0	0
751 г.	193	2,61	0	0
752 г.	596	8,06	454	6,14
753 г.	176	2,38	662	8,96
754 г.	30	0,41	123	1,66
755 г.	5	0,07	1	0,01
756 г.	13	0,18	174	2,35
757 г.	16	0,22	7	0,09
758 г.	9	0,12	0	0
759 г.	2	0,03	6	0,08
760 г.	0	0	0	0
761 г.	1	0,1	0	0
Итого	5528	74,8	1438	19,16

какой бы то ни было периферийный район. Исключительность данного направления движения денег подчеркивается и обстоятельством кратковременности отмеченного явления. После 753 г.х. происходит внезапное, практически полное прекращение проникновения монет в Поднестриевье.

Не менее интересны особенности распространения синхронных монет Гюлистана. Судя по доступным теперь материалам, пик эмиссионной деятельности этого центра приходится на 752-754 и 756 г.х. Едва ли не все монеты времени Джанибека отчеканены как раз в указанные годы. Однако в Поднестриевье из более

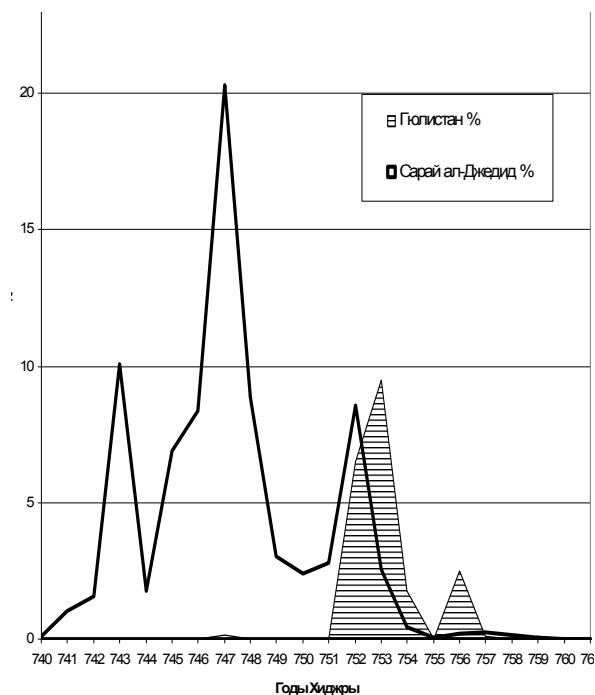

Рис. 2. Погодичное распределение продукции ведущих монетных дворов Золотой Орды времени правления хана Джанибека.

1400 зарегистрированных монет только 4 экз. принадлежат продукции Гюлистана (Руссев 1990: 126-127). При этом нельзя не заметить хронологического совпадения: интенсивная денежная чеканка Гюлистана и наибольший приток монет, выпущенных в Сарай ал-Джедид, приходятся на те же годы.

Выявление соотношения продукции разных монетных дворов в рассматриваемый период показывает, что сделанное наблюдение отражает действительную реальность. Как оказалось, среди датированной продукции 740-761 г.х. доля монет, отчеканенных в Сарай ал-Джедид и Гюлистане, составляет более 94%. По этой причине в приводимых построениях опущены сведения о монетах других центров: Сарая, Хорезма, Тебриза, Карагача, Гарджина и Мохши (табл. 3).

Хотя, несомненно, ведущее место в производстве денег при Джанибеке занимал Сарай ал-Джедид, столичная чеканка отнюдь не была стабильной. После 753 г.х. работа этого монетного двора почти полностью сворачивается. В ином свете предстает эмиссионная деятельность Гюлистана. Она носит взрывной характер, и в течение короткого времени монеты двух центров как бы конкурируют друг с другом. Очень вероятно, что несколько лет интенсивность чеканки монет в Гюлистане в два раза опережала таковую в Сарай ал-Джедид (рис. 2).

По всей видимости, эмиссии Гюлистана были призваны в какой-то мере компенсировать падение уровня

монетного производства в столице. В этих условиях своего рода выброс большого количества денег Сарай ал-Джедид на западные окраины надо понимать как явление аномальное. Оно ни в коем случае не является показателем расширения торговых связей. Последнее невозможно уже потому, что примерно 9/10 обнаруженных в Поднепровье новосарайских монет медные. Их назначение ограничивалось обслуживанием мелкого обмена на местных рынках. Помимо того, из всех денег времени Джанибека лишь 5 экз. (0,76%) выпущены другими монетными дворами.

Монетные коллекции других городских центров на окраинах Золотой Орды отличаются принципиально иным составом. В одних случаях (Средняя Азия, Кавказ) преобладают деньги местной чеканки. В других — монеты исследуемого периода довольно малочисленны. Скажем, среди сотен единиц находок в коллекции Азова к эпохе правления Джанибека относятся лишь 13 экз. Однако в том же комплексе насчитывается в 14 раз больше монет как предшествующего, так последующего периодов (см. табл. 1).

Каким образом, исходя из чумной версии, можно объяснить эти странные явления? Мне представляется наиболее правдоподобной историческая ситуация, моделируемая по следующей схеме. Черная смерть в Золотой Орде неизбежно должна была привести в движение множество людей. Номадам вообще не составляло большого труда сняться с мест, чтобы уйти подальше от зараженных районов. Такое же понимание встречается в русской «Скифской истории» конца XVII в. Ее автор считает, что ниспосланный на ордынцев Богом страшный мор середины XIV в. вызвал большую миграцию населения из Поволжья на запад. *«Побегоша оттуду мнози татарови в поля дикя, и наипаче умножишася около Дону и Днепра, и в Перекопи жити начаху»* (Лызлов 1990: 31). Кочевая

знать, вероятно, спасалась от ужасной болезни в своих степных замках. Хан и его окружение могли укрыться в изолированной от тесных связей с миром резиденции Гюлистан. Даже перенос столицы на новое место по гигиеническим соображениям был на средневековом Востоке делом обычным (Можейко 1989: 69). Однако, имея для долгого пребывания убежища, возможно, заранее подготовленные для жизни по чумному сценарию, незачем было уходить далеко от охваченных эпидемиями мест.

Позаботиться аналогичным образом об огромном количестве горожан степная аристократия во главе с ханом не торопилась. С приходом к власти Джанибека позиции городских кругов в Золотой Орде существенно ослабели (Мухамадиев 1983: 81-83). Горожане более всего пострадали от Черной смерти. Как показывает пример Азака-Таны, чума оставила в прежде цветущем портовом городе лишь пятую часть жителей. Здесь денежное обращение в 50-е гг. почти полностью замирает (Фомичев 1981: 238-240). Понятно, что в скученных городских кварталах, в антисанитарных условиях, уберечься от заразы невероятно трудно. Поэтому из страха перед мором торгово-ремесленный люд вынужденно оставлял города.

Здравый смысл, очевидно, подсказывал им необходимость отклоняться подальше от караванных путей (Самаркин 1976: 76). Одним из спасительных для беглецов уголков оказался еще слабообжитый район Кодр. Горные и возвышенные лесистые места чума, как правило, обходила (Stoianovich 1970: 55). Сюда даже в начале XVIII в. чума заносилась довольно редко из Польши или Турции, но не возникала *«вследствие плохого климата»* (Кантемир 1973: 5). Поселились среди окруженных степью дубовых и грабовых лесов прибывшие с востока люди около 753 г.х. (18 февраля 1352 — 5 февраля 1353 гг.)

IV. «Жизнь после смерти»

Выстраивающийся почти фантастический сюжет объясняет, как, в сущности, на голом месте могли вдруг возникнуть два города — на Реуте (Старый Орхей) и Ботне (Костешты), отделенные друг от друга всего несколькими десятками километров. Становятся ясными пути формирования особенностей состава денежного обращения района. Обилие монет чеканки Сарай ал-Джедид в Поднепровье наводит на мысль, что на западную окраину государства пришли тесно связанные со столицей Улуса Джучи люди. О том же может свидетельствовать и размах монументального строительства — мечеть, караван-сарай, бани.

Такого рода дальние миграции горожан имели место в евразийских степях и в другие эпохи. К примеру, арабский энциклопедист X в. ал-Масуди рассказывает, что в находившейся на Нижней Волге хазарской

столице Атил (Итиль) обитали в основном мусульмане, предки которых пришли *«из окрестностей Хорезма»*. Он нисколько не сомневался в истинности причин, вызвавших миграцию: *«В давние времена, после возникновения ислама, в их стране разразилась война и вспыхнула чума, и они переселились к хазарскому царю»* (Минорский 1963: 192-196). И в русских землях экстремально тяжелые жизненные условия XIV-XV вв. толкали массы населения в дальний путь. Летописцы зафиксировали движение из тверских и московских пределов в Псков, уход в Литву и к немцам (Соловьев 1988: 529-530; Греков 1946: 630). Во время мора 1352 г. знать Пскова семьями спасалась в избежавшей заразы Рязани (Богоявленский 1960: 257).

В литературе на основе анализа археологических материалов высказано мнение, что для возникновения

городов Кодр в золотоордынскую эпоху тут не было объективных предпосылок. Учитывая сложившуюся в Улусе Джучи практику насильственного перемещения ремесленного населения, предлагалось считать появление городских центров в Кодрах результатом целенаправленной деятельности ордынских правителей (Полевой 1979: 30). Однако этот вопрос до сих пор специально не разрабатывался.

Между тем принудительное переселение в конкретных условиях рассматриваемого времени едва ли было возможным. Отметим, что именно Джанибек изгнал итальянских торговцев из Таны (Барбаро 1971: 34). Кроме того, по сообщению ал-Малик ан-Насира, хан отдал приказ “*не возить (более) рабов в Египет*” (Тизенгаузен 1884: 263). Это были жестокие удары по городской торговле. Связи Золотой Орды с окружающим миром быстро сворачивались. Торговые корабли венецианцев из-за добавившейся неблагоприятной эпидемиологической обстановки в 1345-1355 гг. в черноморские порты вообще не ходили (Карпов 1981: 56-57; его же 1991: 92). С другой стороны, отсутствуют летописные сведения о появлении в землях Руси ордынских военных отрядов или хотя бы послов в 1349-1356 гг. (Егоров 1985: 207).

Об активности Золотой Орды во времена Джанибека на западе сведений очень мало. Одно известие о столкновении ордынцев с венгерскими войсками датируется примерно серединой 40-х гг. XIV в. — вероятно, еще до нашествия Черной смерти. Тогда разбитые степняки спаслись бегством к своим соплеменникам, живущим у моря — *ad partes maritimas longe distantes ad alios tartaros fugerunt* (СН 1973; Параска 1981: 79). Вплоть до 1349 г. практически ничего не известно об отношениях золотоордынцев с Галицко-Волынскими землями. Явное ослабление связей гипотетически объясняется началом внутридинастической борьбы в Улусе Джучи, направленностью внешней политики хана на приобретение территорий распадавшейся державы Хулагуидов и чумным мором (Шабурдо 1987: 45-46). Вместе с тем, как раз в 40-х гг. наблюдается быстрое нарастание агрессивности Венгрии, Литвы и Польши на западных рубежах ордынских владений.

В правление короля Лайоша I (1342-1382) начинается интенсивная венгерская экспансия на восток, за Карпаты. Походы в район нижнего течения Сирета и Прута стали для Венгерского королевства обычным делом. При этом местные татары не оказывали серьезного сопротивления, оставаясь наедине с врагом без подкреплений из центра. Тогда же литовские князья Кориатовичи при поддержке своего дяди, великого князя Ольгерда (1345-1377), включаются в борьбу за обладание Подольем. Наконец, польский король Казимир III (1333-1370) в 1349 г. захватил Галицкую

Русь. Все это происходит за счет сокращения сферы политического господства Золотой Орды. Джанибек вынужденно сдавал позиции. Анализ малоизвестной польской летописи показал, что Польша смогла овладеть “Русской землей”, лишь договорившись в 1349 г. с татарами — *“nuncii Tartarorum venerunt ad Regem Poloniae. Et in fine eiusdem anni Rex Kazimirus terram Russiae obtinuit”* (Котляр 1968: 25). Попытка Литвы в борьбе с поляками привлечь на свою сторону Джанибека удачей не увенчалась (Шабурдо 1987: 47). Однако и реально противостоять натиску литовцев в Подолье хан не мог.

Приведенные факты отрицают версию о целенаправленном переселении тысяч людей, которые под руководством ханской администрации возводили бы в Поднестровье новые города. Уже первая волна невиданного стихийного потрясения в Орде (с 1346 г.) парализовала многие государственные механизмы. По моим расчетам, вынужденная эмиграция горожан из Поволжья в приднестровские Кодры произошла в результате нового удара чумы начала 50-х гг. К этому времени реальные возможности государственного управления огромными территориями стали еще более призрачными.

Между тем бросившие вызов Золотой Орде Польша и Литва, наряду с Чехией, вовсе не пострадали (или в очень малой степени пострадали) от Черной смерти. Судя по всему, сохранение населения и сделало их сильнейшими государствами Европы того времени (Гумилев 1989: 544). Можно думать, что по приморским степям чумной мор обошел стороной и Карпато-Днестровские земли. Иначе трудно понять почему всего за столетие, до середины XV в., население Молдавии выросло в 2-3 раза, а число ее горожан увеличилось в 5-6 раз. При этом для удвоения количества жителей другим странам средневековья требовалось не менее 350-450 лет (Полевой 1979: 114-120). Настоящий демографический взрыв в регионе произошел как раз в то время, когда сокрушенные гибельным поветрием страны переживали глубокий кризис воспроизводства людских ресурсов, едва достигнув к 1460 г. 60-75% от уровня 1340 г. (ИКЕ 1986: 292).

Другая доля досталась Венгрии и Трансильвании. Здесь в 1349 г. чума унесла десятки тысяч людей (Полевой 1979: 118). Косвенным показателем урона населению королевства могут служить сведения о строительстве замков, требовавшее значительной концентрации рабочих рук. Возведение таких сооружений на территории Венгрии в 1341-1390 гг. резко уменьшается, несмотря на то, что повсюду их рассматривали как надежные убежища от заразы. За 50 лет появился всего 41 новый замок, тогда как за предшествующие полвека — 157 (Fugedi 1986: 45-53). Сокращение строительства цитаделей, крепостных стен и

башен, развернутого венграми в XIII в. с целью противодействия ордынцам, свидетельствует не только об исчезновении угрозы с востока, но и о сильно ограниченных физических возможностях (Fugedi 1986: 53).

По мнению венгерских историков, чумной мор в Трансильвании вызвал серьезные миграции и изменения в составе населения. В частности, высказывалось мнение о колонизации занимавшимся главным образом пастушеством восточнороманским населением многих вымерших венгерских и немецких сел. Хотя такая постановка вопроса и была встречена в штыки чаушистской историографией (Паску Ш., Мушат М., Константиину Ф. 1987: 47-48; Попович Т. 1987: 138-139), она, вероятно, не лишена реальных оснований. Из 2064 сел Трансильвании, упомянутых в 1251-1350 гг., около трети перестали существовать не только в результате смерти жителей, но и вследствие значительных миграций в разных направлениях, а в особенности на восток. Примечательно, что переселенческое движение в молдавское Прикарпатье частично охватывало самих венгров, секуев и немцев (Полевой 1979: 31-38). Эти миграционные потоки прослежены по разным категориям источников, включая фольклорные, топонимические и археологические. Очень трудно исключить из истории региона фактор чумного мора. Однако значение его роли в развитии социальных процессов все еще остается под вопросом.

Исследования в области нумизматики позволяют увидеть следы Черной смерти, оставленные в экономическом развитии Добруджи второй половины XIV в. Анализ монетных находок с учетом их реальной стоимости в серебряном эквиваленте фиксирует сокращение объема денежного обращения в 1340-1400 гг. почти в 50 раз по сравнению с периодом 1300-1340 гг. Явный упадок товарного производства в Добрудже обусловлен целым пучком причинно-следственных связей, но, несомненно, не является локальным, а высвечивает участок общеевропейской картины, на которой чума занимает видное место (Авдев 1988: 33-35).

Отражением кризисного положения региона является закат портового города евразийского масштаба — Вичины на Дунае. Еще в 1351 г. здесь находилась главная дунайская колония Генуи, а к 1360-м гг. ее оттесняют на задний план Килия и Ликостомо. С конца XIII в. Вичина являлась крупным религиозным центром, подчиненным Константинопольской патриархии. Однако в 1359 г. Вичинская митрополия прекратила свое существование — ее последний глава перенес свою резиденцию в столицу Валахии (Pacurariu 1980: 222; Тодорова 1981: 224-228).

Резкое вздорожание стоимости рабочих рук в Европе после несчастий, вызванных Черной смертью, прямо сказалось на ситуации в Золотой Орде. Кроме известных жестких мер по отношению к собственным

простолюдинам, вроде английского ордонанса 1349 г., Запад прибег к массовому завозу рабов извне. В Генуе возникло особое ведомство, стремившееся монополизировать черноморскую работорговлю (Барг 1973: 181-196; ИКЕ 1986: 295-297; Карпов 1990: 167; Ченцова 1991: 179-181; Ле Гофф 1992: 105). Огромное количество восточных рабов состояло из ордынцев, особенно во множестве привозимых из Каффы и Таны. По ряду документальных данных, в 70-е гг. XIV в. доля “татар” среди невольников Генуи, Флоренции, Венеции доходила до 80% и более. В Генуе они оставались основной категорией рабов и в первой четверти XV в. (Gioffre 1971: 14, 58). Не оставалось в стороне от работорговли и Северо-Западное Причерноморье. Судя по записям нотариуса Антонио ди Понцо, ордынцы посещали дунайскую Килию в 1360-1361 гг. почти исключительно по делам работорговли. Причем в руках “татар” соплеменники чаще всего и становились живым товаром, в то время как основными покупателями рабов были итальянцы (Pistarino 1971: 16, 22-23, 103-105, 175-177; Balard 1980: 98-99, 107-108, 147, 193-194).

Взаимосвязанность перемен эпохи чумных моров на Западе и Востоке Европы обнаруживается и на других уровнях. Марк Блок писал о Черной смерти: *“Эпидемия распространилась так быстро лишь благодаря определенным социальным — а значит, по их глубинному характеру, психологическим — условиям, и ее моральные следствия могут быть объяснены только особым предрасположением коллективного образа чувств”*. Именно катастрофы “великих эпидемий”, наложившиеся на “повседневное насилие”, придавали средневековой психологии неустойчивость чувств и “постоянный привкус бренности” (Блок 1973: 104, 128).

Умонастроения эпохи, наиболее символично выразившиеся в охвативших Запад шествиях флагелланов и “плясках смерти”, носили всеобщий характер (ИКЕ 1986: 295; Бессмертный 1991: 186). Летопись передает близкое по характеру восприятие мора русскими людьми. Автор подчеркнул божественную предопределенность смерти от чумы для одних и спасения от заразы для других людей. Однако, кого *“Бог соблюде, той наказая страхом Господним, да прочаа дни и лета целомудрено и безгрешно поживет”* (ПСРЛ-10 1965: 224).

Новое в осознании суетности бытия, кажется, проявлялось и в Улусе Джучи. В середине 50-х гг. на городище Костешты были найдены две довольно большие арабские надписи на известняковых плитах практически одинаковых размеров — примерно 180×50 см. Они стояли несколько наклонно по отношению друг к другу на полу, мощенном прямоугольным тесаным камнем. Тут же были обнаружены и обломки цилиндрических колонн. Некрологический характер надписей и сопутствующая их открытию археологическая ситуация позволили предположить, что в пойме реки

Ботны выявлены остатки мавзолея XIV в. (Кетрару 1960: 125-127). Содержание текстов надписей, обнаруженных в границах одного из самых западных городов Золотой Орды, вызывает немало вопросов. В переводе они гласят:

№ 1. *“Сказал пророк (мир ему!): «Смерть — врата, и каждый из людей вошел в них. Смерть — чаша, и каждый из людей выпил ее»”*.

№ 2. *“Сказал пророк (мир ему!): «Здешний мир — час, так соверши в (течение) его послушание». Сказал пророк, посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует”*.

Аналогии им найдены в погребальных надписях Поволжья, одна из которых датируется 1262 г. Однако, как показало исследование, эти тексты никак не связаны с Кораном. Зато обнаруживаются параллели в арабской поэзии. В частности, еще у творившего несколькими веками ранее в Багдаде Абу-л-Атахми (748-825/828) отмечены сравнения смерти с чашей и вратами. При этом жившие в Золотой Орде составители известных надписей, разумеется, едва ли подозревали, что цитируют давно умершего поэта-филозофа (Крачковская 1960: 48-58).

Размышляя об арабских надписях из Костешт, нельзя не обратить внимание на полное отсутствие в их содержании намек на персонификацию. Напротив, очень выпукло в них представлена обращенность ко всем живым. Две вложенные в уста пророка фразы раз-

* * * * *

“Черная смерть”, новые вспышки чумы и сопутствующие им тяжелые лишения совершенно нарушили биосоциальное равновесие в Золотой Орде. В сочетании с неблагоприятными внутри- и внешнеполитическими условиями чума явилась сильнейшим деструктивным фактором. Восточная и Юго-Восточная Европа, а также значительная часть Азии теряли привычный доминирующий вектор, важнейшую ось своего исторического движения. Складывавшийся десятилетиями порядок вещей разваливался на глазах. Однако всякий, даже глобальный, кризис фиксирует и *“процесс перехода к некоторому новому равновесию”* (Богданов 1989: 218).

Хаос чумной катастрофы стимулировал созидательную деятельность на ордынских окраинах и в пограничных с Улусом Джучи районах. Это хорошо прослеживается по началу чеканки здесь во второй половине XIV в. монет. Чуть ли не одновременно на пространстве от Дуная до Волги в политических центрах, разделенных десятками дней пути и разными историческими перспективами, вдруг налаживается выпуск собственных денег. Во многих случаях изображения на монетах демонстрируют связь с джучидскими традициями, отражая зависимость от Орды

деляют людей на группы: а) те, кто уже вошел в врата смерти и выпил ее чашу; б) те, кому в течение мимолетной как час жизни необходимо совершить послушание. Так возникает своего рода диалог Мухаммеда с людьми, в котором пророческий призыв (надпись №2) подкрепляется истиной уже сбывшегося пророчества (надпись №1). При этом бросается в глаза дважды как бы намеренно повторенное прошедшее время — *“каждый из людей вошел в них”*, *“каждый из людей выпил ее”* (вместо кажущихся более уместными “войдет” и “выпьет”). Эта несуразность легко объясняется, если предположить, что составители надписей пытались вызвать у читающих конкретные воспоминания о недавних массовых смертях.

В свете разрабатываемых здесь сюжетов трудно устоять перед соблазном их развития, ведь надписи из Костешт могли запечатлеть философию населения, пережившего мор в Поволжье и спасшегося от чумы в Кодрах. Именно в тяжелые времена народной становилась умиротворяющая авторская мудрость прошлых веков. Аналогичным образом на островной Англии в середине XIV в. вдруг наполнились жизнью восьмисотлетней давности высказывания Бэция из трактата “Утешение философией” (Гарднер 1986: 114-115). И разве выражения: *“свободно и радостно принимайте свой удел”* или *“уподобляйтесь пловцу, который не борется с потоком, а плывет по течению”* — не созвучны духу приведенных надписей?

(Котляр 1968; Янина 1977: 193-213; Федоров-Давыдов 1981; его же 1989; Руссев 1991: 39-66; Козубовский 1992; Бектинев 1994; Iliescu 1970: 13-39; Kozubowski 1994: 121-140). Тут возникают важнейшие арены геополитических развязок. Они-то, начиная со второй половины XIV в., концентрируют вокруг себя стратегические интересы, события и ресурсы. В итоге отсюда и определилось будущее того наследия, которое оставила Золотая Орда.

О том, что действительным политическим преемником государства могущественных ордынских ханов, вопреки казанским, астраханским, крымским и прочим последышам, стала “Московия”, написано много. Менее изучена дальнейшая история различных групп крайне неоднородного людского потенциала, в прямом смысле собранного и зачастую очень поверхностно сплавленного воедино Золотой Ордой. В Молдавии второй половины XIV-XV вв. татары (иногда целыми селениями) составляли самый бесправный слой холопов (ИМ 1987: 368). По некоторым представлениям прошлого века, *“Молдавия возникла из стечения азиатских и европейских поселенцев и беглецов”* (Маркс 1949: 150). Не менее интересна судьба населения “ничейных” районов, выпавших из зоны эффективного

контроля ханов и не ставших еще реальной добычей других правителей.

В восточноевропейской, неосвоенной в государственном отношении лесостепи в одном положении оказывались выброшенные невзгодами с юга *“бывшие татары”* (термин итальянского источника) и на юг восточные славяне. Исследователи давно обратили внимание на сообщение Яна Длугоша о том, что изгнанные поляками жители Галицкой Руси и Подолья, *“угнетенные нищетой и убожеством, движимые отчаянием, убежали к татарам”* (*inopia et egestate pressi et quondam desperatione compulsi ad Thartaros confugiebant.* — Греков 1946: 257; Полевой 1979: 38). Их довольно длительное взаимодействие при наличии общих условий выживания привело к сложению у границ ордынской степи казачества. Документально под 1444 г. отмечены *“козаки рязаньскии”*, оказавшие помощь Рязани и Москве в борьбе с татарским царевичем Мустафой. В последней трети XV в. казаки несколько раз упоминаются в современных украинских землях (Соловьев 1988: 527; Грушевский 1995: 77-79).

Общая направленность русла истории Восточной Европы той эпохи обусловила славянство и православие этого населения. Впрочем, его ордынская составляющая бросалась в глаза даже людям средневекового Запада. Не случайно англичанин Джилс Флетчер еще в конце XVI в. относил *“черкесов”*, живущих у юго-западных границ России *“со стороны Литвы”*, к числу татар. При этом он подчеркивал, что они *“гораздо образованнее прочих татар, собой весьма красивы и благородны в обращении, следуя в этом обычаям польским. Некоторые из них подчинились королям польским и исповедуют христианскую веру”* (Флетчер 1991: 97). В рассматриваемом аспекте интересно и сообщение Яна Длугоша о нападении на украинские владения Польши *“большого татарского войска”* в 1469 г. В состав отрядов, возглавляемых ханом Маняком входили люди *“из беглецов, разбойников и изгнанников”*, которые на языке татар назывались казаками — *kozakos* (Грушевский 1995: 78). Оба автора точно зафиксировали ясные следы конструктивной роли великого хаоса в

Золотой Орде, начатого в середине XIV в. *“Черной смертью”*.

Именно с середины XIV в. на пространстве от Карпат до Урала формируются историко-этнографические области, имеющие прямое отношение к становлению современных народов (см., напр.: Кузеев 1992). Конечно, роль Черной смерти не абсолютна, ибо решающие преобразования в этническом развитии, экономике, политике и других сферах исторической жизни обусловлены комплексом разнонаправленных цепочек причинно-следственных связей. Вместе с тем нельзя относиться к трактовке данного вопроса с нигилистических позиций, типичных для советской историографии 70-80-х гг. (см., напр., Романов 1973: 191-192; Шелестов 1982: 72). Нет сомнений, что общечеловеческая катастрофа, вызванная чумной пандемией, потрясла средневековый мир до самых основ. В результате произошли глубинные трансформации, оказавшиеся судьбоносными во многих районах Старого Света.

По замечанию Жака Ле Гоффа, кризис XIV в. *“быстро окупился перекройкой экономической и социальной карты христианского мира”*; *“он начал общество эпохи Возрождения и Нового времени”* (Ле Гофф 1992: 105). Если говорить о *“цене”* этих преобразований, то надо иметь в виду, что чумная катастрофа повсеместно в прямом смысле слова выбивала из жизни наиболее прочно привязанное к местам своего обитания население. Больше шансов выжить имели те, кто навсегда оставлял родные края. Только перед беглецами Черная смерть открывала спасительные ворота в будущее. Прежде *“пустые”* места собирали множество людей, готовых, ломая традиции, вживаться в новые условия. В их глазах это была, пожалуй, единственно верная возможность спастись от смерти. Однако чаще всего переселенцы теряли личные связи с покинутым миром. Такие повороты судьбы консервативное общественное сознание эпохи средневековья приравнивало к гибели. Французская поговорка утверждает: *Partir, c'est mourir un peu* (*“Уехать — это, в известной мере, умереть”*).

ЛИТЕРАТУРА.

Абызова Е.Н., Бырия П.П., Нудельман А.А. 1981. Древности Старого Орхя: Золотоордынский период. Кишинев.
 Авдев С. 1988. За упадъка на стоковото производство в Добруджа през втората половина на XIV в. (по нумизматични данни) // Нумизматика. №2. София.
 Арьес Ф. 1992. Человек перед лицом смерти. М.
 Барбаро. 1971. Барбаро и Контарини о России. К историко-итало-русских связей в XV в. Л.
 Барг М.А. 1973. Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиэвистики. М.
 Бектинеев Ш.И. 1994. Денежное обращение Великого княжества Литовского в XIII-XV вв. Минск.
 Бессмертный Ю.Л. 1991. Жизнь и смерть в средние века.

Очерки демографической истории Франции. М.
 Блок М. 1973. Апология истории, или Ремесло историка. М.
 Боккаччо Д. 1970. Декамерон. М.
 Богданов А.А. 1989. Тектология. Всеобщая организационная наука. Кн. 2. М.
 Богоявленский Н.А. 1960. Древнерусское врачевание в XI-XVII вв. Источники для изучения истории русской медицины. М.
 Борисенков Е.П. 1982. Климат и деятельность человека. М.
 Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. 1988. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.

- Борисов А.А. 1973. Палеоклиматология СССР. Калининград.
- Бродель Ф. 1986. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.
- Булатович С.А. 1986. Джучидские монеты из Белгорода-Днестровского // Кравченко Н.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII-XIV вв.). Киев.
- Бунятов З.М. 1987. Сочинение ал-Макризи по монетному делу и ценообразованию // Прошлое Средней Азии (археология, нумизматика и эпиграфика, этнография). Душанбе. С. 174-178.
- Гарднер Д. 1986. Жизнь и время Чосера. М.
- Гезер 1867. История повальных болезней. СПб.
- Гинзбург К. 1990. Образ шабаша ведьм и его истоки // Одиссей. Человек в истории. 1990. М. С. 132-146.
- Горская Н.А. 1994. Историческая демография России эпохи феодализма (Итоги и проблемы изучения). М.
- Греков Б.Д. 1946. Крестьяне на Руси. М.-Л.
- Грозданова Е. 1989. Българска народност през XVII век. Демографско изследване. София.
- Грушевський М. 1995. Історія України-Руси. Т. VII: Козацькі часи — до року 1625. Київ.
- Гумилев Л.Н. 1989. Древняя Русь и Великая степь. М.
- Гуревич А.Я. 1990. Средневековый купец // Одиссей. Человек в истории. 1990. М. С. 97-131.
- Гусева Т.В. 1985. Золотоордынский город Сарай ал-Джедид (Основные этапы развития). Горький.
- Дюби Ж. 1994. Европа в средние века. Смоленск.
- Егоров В.Л. 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М.
- ИКЕ. 1986. История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2: Крестьянство Европы в период развитого феодализма. М.
- ИМ. 1987. История Молдавской ССР. Т. 1. Кишинев.
- Кантакузин И. 1980. История // Гръцки извори за българската история. Т. X. София.
- Кантемир Д. 1973. Описание Молдавии. Кишинев.
- Карпов С.П. 1981. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII-XV вв. М.
- Карпов С.П. 1990. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII-XV вв.: проблемы торговли. М.
- Карпов С.П. 1991. Маршруты черноморской навигации венецианских галей "линии" в XIV-XV вв. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. К XVIII Международному конгрессу византистов. М.
- Кетрару Н.А. 1960. Материалы к археологической карте Молдавии // Труды государственного историко-краеведческого музея. Кишинев.
- Козубовський Г.А. 1992. Сіверські монети XIV ст. Київ.
- Конрад Н.И. 1972. Запад и Восток. М.
- Котельникова Л.А. 1987. Феодализм и город в Италии в VIII-XV веках. По материалам центральных и северных областей. М.
- Котляр М.Ф. 1968. Галицька Русь у другій половині XIV — першій чверті XV ст. Київ.
- Крачковская В.А. 1960. Новая арабская надпись из Молдавской ССР // Эпиграфика Востока. XIII. М. С. 48-58.
- Кузеев Р.Г. 1992. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М.
- Кучкин В.А. 1990. Города Северо-Восточной Руси в XIII-XV веках (число и политико-географическое размещение) // История СССР. №6. С. 72-84.
- Ле Гофф Ж. 1992. Цивилизация средневекового Запада. М.
- Ле Руа Ладори Э. 1971. История климата с 1000 года. Л.
- Лозинский С.П. 1986. История папства. М.
- Лызов А. 1990. Скифская история. М.
- Макэвди К. 1988. Бубонная чума // В мире науки — Scientific American. №4.
- Маркс К. 1949. Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. М.
- Мелик-Гайказова Н.Н. 1970. Французские хронисты XIV в. как историки своего времени: общественно-политические взгляды. М.
- Минорский В.Ф. 1963. История Ширвана и Дербента. М.
- Можейко И.В. 1989. 1185 год (Восток — Запад). М.
- Муравьев А.В., Самаркин В.В. 1973. Историческая география эпохи феодализма (Западная Европа и Россия в V-XVII в.). М.
- Мухамадиев А.Г. 1983. Булгаро-татарская монетная система XII — XV вв. М.
- Николаев Н.И. 1968. Чума (клиника, диагностика, лечение и профилактика). — М.
- Нудельман А.А. 1975. К вопросу о составе денежного обращения в Молдавии в XIV — начале XVI вв. (По материалам кладов) // Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев. С. 94-124.
- Орлов М.А. 1992. История сношения человека с дьяволом. М.
- Параска П.Ф. 1981. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. Кишинев.
- Паску Ш., Мушат М., Константиу Ф. 1987. Сознательная фальсификация истории под эгидой Венгерской Академии Наук // Румыния. Страницы истории. №3.
- Полевой Л.Л. 1969. Монеты из раскопок и сборов на поселении Костешты-Гырля (1946-1959 гг.) // Далекое прошлое Молдавии. Кишинев.
- Полевой Л.Л. 1979. Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. Кишинев.
- Попович Т. 1987. Методы и стили на службе преднамеренного извращения истории // Румыния. Страницы истории. №3. С. 126-163.
- ПСРЛ-10, 11. 1965. Полное собрание русских летописей. Т. 10-11: Патриаршая или Никоновская летопись. М.
- Романов И.З. 1973. Опровержение мальтузианской схемы // Вопросы истории. №6. С. 191-192.
- Руссов Н.Д. 1990. Возникновение городов Поднестровья XIV в. в свете нумизматических материалов // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев. С. 118-139.
- Руссов Н.Д. 1991. Городские центры Днестровско-Дунайских земель и Золотая Орда (моменты и ареалы эволюции) // Молдавский феодализм: общее и особенное (история и культура). Кишинев. С. 39-66.
- Самаркин В.В. 1976. "Черная смерть" по данным современной зарубежной литературы // Вестник Московского университета (история). №3.
- Самаркин В.В. 1977. Историческая демография западноевропейского средневековья // Вопросы истории. №2.
- Сахаров А.М. 1959. Города Северо-Восточной Руси XIV-XV вв. М.
- ССМ. 1990. Сокровенное сказание монголов: Анонимная монгольская хроника 1240 г. — Элиста.
- Соловьев С.М. 1988. Сочинения. Кн. II. М.
- Сухи Б. 1992. От "золотого жертвенного пфеннига" к "поимущественному налогу на евреев". Тысяча лет налогов на евреев // Все начиналось с десятины: Этот многоликий налоговый мир. М. С. 179-201.
- Тизенгаузен В.Г. 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских.
- Тодорова Е. 1981. Вичина, Килия и Ликостомо // Български средновековни градове и крепости. Т. 1: Градове и крепости по Дунав и Черно море. Варна. С. 217-243.
- Тойнби А.Дж. 1991. Постижение истории. М.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1958. Основные закономернос-

ти развития денежно-весовых норм в Золотой Орде // Археологический ежегодник за 1957 г. М. С. 7-16.

Федоров-Давыдов Г.А. 1960. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. М.

Федоров-Давыдов Г.А. 1963. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV. М.

Федоров-Давыдов Г.А. 1980. Особенности обращения серебряных и медных монет в Золотой Орде // Ближний и Средний Восток: товарно-денежные отношения при феодализме. М. С. 213-219.

Федоров-Давыдов Г.А. 1981. Монеты Московской Руси (Москва в борьбе за независимое и централизованное государство). М.

Федоров-Давыдов Г.А. 1987. Денежное дело и денежное обращение Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М. С. 158-204.

Федоров-Давыдов Г.А. 1989. Монеты Нижегородского княжества. М.

Флетчер Дж. 1991. О государстве Русском // Проезжая по Московии (Россия XVI-XVII веков глазами дипломатов). М. С. 25-138.

Фомичев Н.М. 1981. Джучидские монеты из Азова // Советская археология. №1. С. 219-241.

Ченцова В.Г. 1991. Рецензия на кн.: *Les Italiens a Byzance. Édition et présentation de documents* // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. К XVIII Международному конгрессу византистов. М. С. 178-182.

Шабульдо Ф.М. 1987. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев.

Шелестов Д.К. 1982. О современной буржуазной исторической демографии // Вопросы истории. №6. С. 62-73.

Янина С.А. 1960. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1957 году // МИА. №80. С. 210-223.

Янина С.А. 1962. Общий обзор коллекции джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах (1946-1958 гг.) // МИА. №111. С. 153-178.

Янина С.А. 1970. Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище в 1959-1962 гг. // МИА. №164. С. 194-218.

Янина С.А. 1977. "Новый город" (Янги-шехр = Шехр ал-Джедид) — монетный двор Золотой Орды и его местонахождение // Труды ГИМ. Вып. 49. Нумизматический сборник. Часть 5. Вып. 1. С. 193-213.

Balard M. 1980. *Gènes et l'Outre-Mer. T. 2: Actes de Kilia du notaire Antonio di Ponzo.* Paris.

CH. 1973. *Chronica Hungarorum 1473.* Budapest.

Fügedi E. 1986. *Castle and society in medieval Hungary (1000-1437)* // *Studia historica.* 187. Budapest.

Gioffre D. 1971. *Il mercato degli Schiavi a Genova nel secolo XV.* Genova.

Goglin J. 1993. 1348. *Ciuma neagră pustește Europa* // *Magazin istoric.* Nr. 9. P. 70-74.

Iliescu O. 1970. *Moneda in România.* București.

Kozubowski G. 1994. *Monety księstwa kijowskiego w XIV w.* // *Wiadomości Numizmatyczne.* Z. 3-4 (149-150). S. 121-140.

Pacurariu M. 1980. *Istoria Bisericii Ortodoxe Române.* Vol. 1. București.

Pistarino G. 1971. *Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Chilia da Antonio di Ponzo (1360-1361).* Genova.

Stoianovich T. 1970. *Model and Mirror of Premodern Balcan City.* Sofia.

